

Позавчера Александр Градский выиграл дуэль у Иосифа Кобзона (программа Владимира Соловьева «К барьеру!»), НТВ).

Кажется, Александр всерьез надумал сменить пластинку. Уж сколько лет краду пел в концертных залах, во дворцах спорта, на стадионах и даже, наверное, «в полях, под снегом и дождем», пока не решил: «Первый тайм мы уже отыграли»... А коль Александр Борисович что-то замыслил, остановить его нет никакой возможности. Словом, перешагнув он собственное пятидесятилетие и начал тайм второй...

— **Знающие люди утверждают: был раньше такой певец Александр Градский. Рассказывают, вроде бы даже неплохо пел. Не слышали случайно?**

— Думаете, стану спорить? Действительно был.

— **Да сплыл?**

— А вы не допускаете, что он мог найти себе иное занятие?

— **Старое надоело?**

— Напрасно пытаетесь подкалывать — не получится. Впрочем, могу напомнить, чего добился в музыке, рассказать, почему соревноваться в России мне больше не с кем...

— **Лучше поведаете, с чего вдруг решили ориентацию сменить. Профессиональную.**

— Все случилось само собой. Воля судьбы.

— **И куда же она, судьба, вас завела?**

— В строительство.

— **Проснулся дремавший дотоле талант зодчего?**

— Строго говоря, жизнь любого нормального мужчины состоит из обустройства окружающего его пространства. Поскольку я определенно принадлежу к мужскому полу, всегда, сколько себя помню, так или иначе занимался этим обустройством.

Потом мне выделили несколько нежилых помещений под мастерские и здание кинотеатра под концертный зал, и вот все началось всерьез.

— **Юрий Михайлович вас облагодетельствовал?**

— Разумеется.

— **Долго прогибаться пришлось?**

— Вообще не понадобилось. Хватило одного вопроса.

— **Мэра?**

— Мэру... Впрочем, Лужков тогда еще не был главным начальником в Москве, но я почувствовал: этот человек станет городским головой. Всерьез и надолго.

— **Проинтуичили?**

— Я четко сформулировал вопрос: считаете, что такой музыкант, как Градский, необходим городу? Да? Тогда создайте нормальные условия для работы. Мне нужны театр, мастерские, в конце концов, демонстрация элементарной заинтересованности в моей персоне. Обивать пороги многочисленных столичных чиновников проку мало, а вы, Юрий Михайлович, производите впечатление человека ответственного. Скажите свое слово, и мне этого будет достаточно. Лужков сказал.

— **И стал мэром.**

— Это уже потом...

— **Но обещание не забыл, отдал**

тыре года принял на работу более ста человек и почти столько же уволил.

— **Но «опыт — сын ошибок трудных»...**

— Вот-вот! В итоге научился самостоятельно разбираться в строительстве. Плюс, конечно, некоторые мои природные способности. Например, хорошо вижу неровности. Для этого мне даже не нужен нивелир, называемый в народе уровнем.

— **Неужели так уж важна идеальная прямизна стен?**

— И стен, и откосов, и полов... А иначе какой смысл строить?

— **Гауди, к примеру, любил искривленные пространства.**

— Он их специально создавал.

Но для начала научился строить прямое... и как!

— **Эта все наука, постигаемая исключительно эмпирическим путем. Тяп-ляп ничего не получится. Время, только время...**

— **Год я делал ремонт в квартире на Марии Ульяновой, параллельно шлифовал мастерские. На это ушло четыре года.**

— **Безумие какое-то! Дворцы скорее строят!**

— Все затянuloсь, скажу откровенно, из-за моей безграмотности — я ведь учился по ходу дела, но в любом случае ремонт стометровой квартиры не может длиться менее полугода. Люди

крашен в жуткий черный цвет, вид имел абсолютно непрезентабельный.

— **А сейчас на какую сумму этот музыкальный «роллс-ройс» потянет?**

— Тысяч на пятьдесят... Ремонт обошелся мне еще в четыре тысячи долларов. Вот и считайте.

— **Нехилый, скажу вам, бизнес!**

— Процесс реставрации очень долгий и кропотливый... И потом: «Стэнвей» не продается по определению.

— **Почему?**

— Подобным не торгуют. Кошунственно. Если такое богатство попадает в руки настоящего музыканта, он уже не сможет ни отдать его, ни продать.

— **Жалко?**

— Не то слово! Я и делал рояль, можно сказать, для себя.

— **Вы показали один инструмент, а я еще три по соседству заприметил. Все себе оставите?**

— Это не «Стэнвей», их можно и реализовать.

— **Но вы же, Александр Борисович, не пианист, вам бы какую-нибудь гитарку от Маккартни приобрести, да?**

— Во-первых, в моем распоряжении уже есть парочка весьма приличных, во-вторых, у сэра Пола все равно нет того, что мне нужно.

— **Берем выше. Страдивари?**

— Мастер делал гитары крайне редко. Не уверен, что они вообще сохранились до наших дней. На скрипке же я играю, как ученик седьмого класса, с таким умением брать в руки Страдивари стыдно...

— **А почему вы вдруг перескочили на реставрацию?**

Александр Градский: не спешите меня хоронить

— **Классический вариант «дереву — сын — дом»? Все происходило именно в такой последовательности?**

— Посадить дерево элементарно просто, большого ума этот процесс не требует. Заделать сына еще легче, тут вообще нужен не ум, а нечто иное. А вот чтобы построить дом, необходимо знать и уметь очень многое...

До 1991 года у меня и в мыслях не было, что когда-нибудь займусь строительством. Достаточно сказать, что за десять лет, которые к тому моменту прожил вместе с женой и детьми в квартире на улице Марии Ульяновой, ни разу не делал ремонт. Однажды, правда, на пару с приятелем мы совершили героическую попытку переклеить обои. Но все вылилось в крупную попойку и на том заглохло. Если помните, как у Джерома дядюшка Поджер вешал картину, то легко можете представить, во что превратилось жилище после наших «усилий». Сначала мы попробовали передвинуть старый сервант, в результате Сережа, мой товарищ, уронил этот тяжеленный гроб себе на руку и чуть не стал инвалидом. Как тут было не напиться? Над нами смеялась вся семья, но мы с Сергеем хотя бы удовольствие от процесса получили...

вам здание кинотеатра «Буревестник».

— Он никогда не забывает того, что обещал. Но чтоб вы знали, с этим помещением возникли огромные проблемы. За четыре года, что длились суды, я стал стряпчим и адвокатом в одном лице — сам участвовал в арбитражных процессах.

— **Пока эта бодяга тянулась, чем вы занимались?**

— Ремонтировал помещение, отведенное под мастерские, — около 600 квадратных метров. Параллельно начал строить дом в Подмоскowie. Довел до ума первую квартиру — ту самую, в которой когда-то «клеил» обои. Провел ее, купил другую, привел в боже-ский вид. Сделал это вовремя, поскольку буквально через пару месяцев цены на жилье выросли в два раза.

— **Стали вникать в строительные проблемы, разочаровавшись в специалисте?**

— Мой стиль работы выглядел следующим образом: я приглашал людей, объяснял задачу. Они начинали делать. Как правило, получалось плохо. Выгонял халтурщиков, звал других «умельцев», первым делом объяснявших мне, почему предыдущие не справились с заданием. Все начиналось заново и заканчивалось столь же плохо. За че-

же часто хотя бы уложиться в три месяца. Укладываются. А потом долго и нудно устраняют недостатки, неизбежно вылезавшие наружу. И я когда-то торопился закончить все поскорее, допуская типичные ошибки.

— **После чего решили строить раз и навсегда?**

— По крайней мере, последние шесть лет я в квартире практически ничего не менял. Мне хотелось добиться сравнительно простых вещей. Качества. Единства формы и содержания. А главное — получить удовольствие от результата.

— **В свое время вам нравился процесс. Помните, для этого достаточно было уронить другу на ногу сервант, а потом распить с ним бутылку водки.**

— Во-первых, не на ногу, а на руку, а во-вторых, мы сейчас говорим о кафе совсем иного рода — от реализации собственных замыслов, от того, что создал нечто сам.

На секунду отвлекусь от рассказа о строительстве. Вы в курсе, что я занимаюсь реставрацией музыкальных инструментов?

— **Впервые слышу.**

— Идемте, покажу кое-что. Перед вами концертный рояль. До реставрации стоил тысячи четыре у.е., был по-

— Хотел объяснить: в любом деле надо быть специалистом. Я своими руками инструменты не восстанавливал, но, чтобы грамотно поставить задачу мастеру, самому надо разбираться в процессе, иначе не оценить качества исполнения, к тому же есть риск, что тебе попытаются втереть очки.

— **Случалось?**

— Были разные мелкие пакости...

— **Значит, вы можете строить инструменты реставрировать, а в чем, интересно, еще Градский преуспел?**

— Умею стряпать, правда, без изысков. Могу грамотно пожарить котлеты и мясо, правильно отварить креветки, сделать несколько вариантов очень вкусных салатов. Знаю, как пригласить людей. Когда в дом приходят друзья, готовлю почти всегда сам.

— **Не доверяете женщинам?**

— Я же не каждый день гостей приглашаю, для меня это праздник. Если бы в доме постоянно толпились чужие люди, требующие внимания, наверное, сошел бы с ума. А раз в неделю можно и постараться.

...Но возвращаемся на стройку. Я научился отличать хорошее от плохого — это главное умение, приобретенное за последние годы. К примеру, прилично разбираюсь в стройматериалах, могу оценить их качество. Готов выступать в качестве эксперта, давать рекомендации другим. Практически любую халтуру в состоянии выявить в два приема.

— **Сколько, по-вашему, сегодня нужно выложить за ремонт квадратного метра жилой площади в новостройке?**

— На такой вопрос ни один нормальный специалист вам не ответит. Если же кто-то, прикинув на глазок, назовет конкретную сумму, гоните в шею этого «мастера» — он хочет вас обмануть, стирать денежки. Впрочем, можно плясать от некоей стартовой цифры: есть фирмы, берущиеся сделать квадратный метр жилья долларов за 700–800.

— **Не многовато будет?**

— Это даже мало! И до тысячи доходит, и до двух. Все зависит от того, что вы хотите получить. Скажем, мне не нравится high-tech, стиль техно. Стены синие, полы зеленые, мебель красная, кругом кнопочки-фигопочки... Понимаю, это дорого и, наверное, красиво, но жить в такой квартире... Кроме всего прочего, остромодные вещи — всегда риск. Сегодня пользуется успехом одно, а завтра — совсем другое. Надо опираться на нечто более основательное, не сиоинутное. Шкафу, который стоит за вашей спиной, более ста сорока лет. Мы помрем, дети мои отойдут в мир иной, а он должен излеть. И гарантированно не выйдет из моды, напротив, с годами лишь приобретет дополнительную ценность. Двадцать лет назад я купил шкаф за триста пятьдесят рублей. Мне говорили: «С ума сошел! Такие деньги за прабабушкину рухлядь!» Сейчас антикварный магазин оторвет эту вещь тысяч за тридцать. Долларов. Но я не отдам. И стулья прошлого века не продам.

— **Вкладываете деньги?**

— Мне нравится жить в окружении красивых предметов!

И повторяю, я умею ценить качество, настоящее качество. Добиться его непросто. Уже говорил, что строю дом в Подмоскowie. Когда начинал, соседи даже не приступали к работе. Сегодня все живут в готовых домах, а я по-прежнему в процессе. Строительство идет восемь лет. Опять скажете долго?

— **Скажу.**

— А я отвечаю: в самый раз. Столько, сколько нужно.

— **Но это хотя бы будет настоящий дворец?**

— Самый что ни есть.

— **С башенками и фонтанами?**

— Обойдемся без восточной пошлости. Дом сделан в хорошем русском стиле. С колоннами, лепниной, мрамором... Есть четыре основных материала, из которых надо строить: дерево, сталь, гипс и камень. Все остальное — производное.

— **Площадь у дома большая?**

— Около двух тысяч квадратных метров. Но дело не в размерах, это видеть надо. Там участок красивый, на нем сосны растут.

— **А земли много?**

— Гектар. Я озеро вырыл, дно гранитом обложил, на берегу построил японский домик... Будет большой зал на двести квадратных метров. С камин. От пола до потолка — девять метров... Красота!

— **Небось со временем втридорога загоните этот дворец какому-нибудь олигарху?**

— Это тоже из разряда «Стэнвеев»: не продается. Только дети мои или внуки теоретически могут пожелать выставить дом на торги. Надеюсь, у них рука не поднимется. Даже хотел написать завещание с просьбой похоронить меня там, на участке.

— **Типа Лев Толстой в Ясной Поляне?**

— Вроде того. Думал, если меня закопают у дома, дети не смогут его продать. С другой стороны, ничто не мешает им под предлогом, что Градский, дескать, народное достояние и должен лежать в доступном для почитателей месте, выгрести мои косточки, отвезти их на Ваганьковское, а особняк с землей загнать какому-нибудь залетному миллионеру. Впрочем, в той ситуации мне будет уже все равно...

— **Хорошего вы мнения о собственных чадах!**

— Они ведь не страдали на строительстве, как я, им дом, подозреваю, не так дорог.

— **А вы, значит, лишения терпели?**

— Повозиться пришлось много, не могу описать, сколько всякого было за эти годы.

— **Наверное, постоянно проработе на объекте?**

— Деваться некуда, приходится контролировать. Иначе и воровать будут, и сделают плохо. Люди никак не научатся получать удовольствие от собственного труда, уважать чужой. Скажем, маляр покрасил стену, тут же приходят гранитчики и прислоняют к ней плиту. Или наоборот: гранитчики положили мрамор, после чего появляются маляры и начинают белить потолок... Ничего не остается, как самому следить, объяснять...

— **При помощи русского нелитературного языка?**

— Некоторые граждане и без крепких выражений так изъясняются, что их без слез слушать невозможно... Не считаю мат руганью, это совершенно естественная и необходимая часть языка.

— **Но для общения с рабочими используйте именно ее?**

— По-разному. Иногда приходится и поругаться. Все-таки я в доме хозяин...

— **На Западе, наверное, все было бы по-другому, вам не пришлось бы переквалифицироваться из музыканта и певца в строителя?**

— Когда принимаешься за работу сам, выходит дешевле. Тратишь время, но экономишь деньги. Вместо того чтобы строить, мог бы петь и зарабатывать. Но я стал старшим, и на моих концертах нет того ажиотажа, что раньше. (Дело даже не во мне сегодняшнем. Люди в принципе перестали активно ходить на концерты.) Если сравнить доходы от выступлений и от строительного бизнеса, в итоге так на так и выйдет. Вот, например, нашел ванну начала века из тонкостенного чугуна — сейчас из такого не льют. Длина — сто восемьдесят пять сантиметров. Красота! Особенно теперь, когда поставил ее, ванну, на бронзовые ноги. Подобные модели есть в Америке, Италии и стоят пятнадцать тысяч долларов. Моя обходится в двадцать долларов в год — плачу человеку, который привезает, чистит ее и делает новое покрытие.

— **Мрамор тоже удалось добыть где-нибудь по дешевке?**

— Мрамор греческий... На такое понимание красоты, которое есть у меня, нужно много денег.

— **Откуда этот разорительный дар? Врожденное?**

— Не знаю. Родители точно ни при чем. Жили в говне, попросту говоря. Да и сам я только в 97-м году переехал в помещение, которое можно назвать шикарным. До этого максимум, что имел, — восемьдесят квадратов на пятерых. Это считалось супер.

— **Сколько метров у вас сейчас?**

— Много. Здесь четыреста. Элтон Джон в такой квартире не живет. В центре Лондона подобных площадей у него нет. Да и дома тоже. В моем, напомним, две тысячи метров...

— **Откуда эта гигантомания? От недоедания, что ли?**

— Перечитайте Булгакова. В «Собачьем сердце» все написано. Не было у меня стремления всех уделать: вот я был голодный, а теперь нажрался. Человеку должно быть комфортно, нельзя у него спрашивать: зачем, мол, вам восемь комнат? Да хоть двадцать восемь, если это красиво и удобно!

Андрей ВАНДЕНКО.

Полностью интервью Александра Градского опубликовано в ноябрьском номере журнала «Карьера».

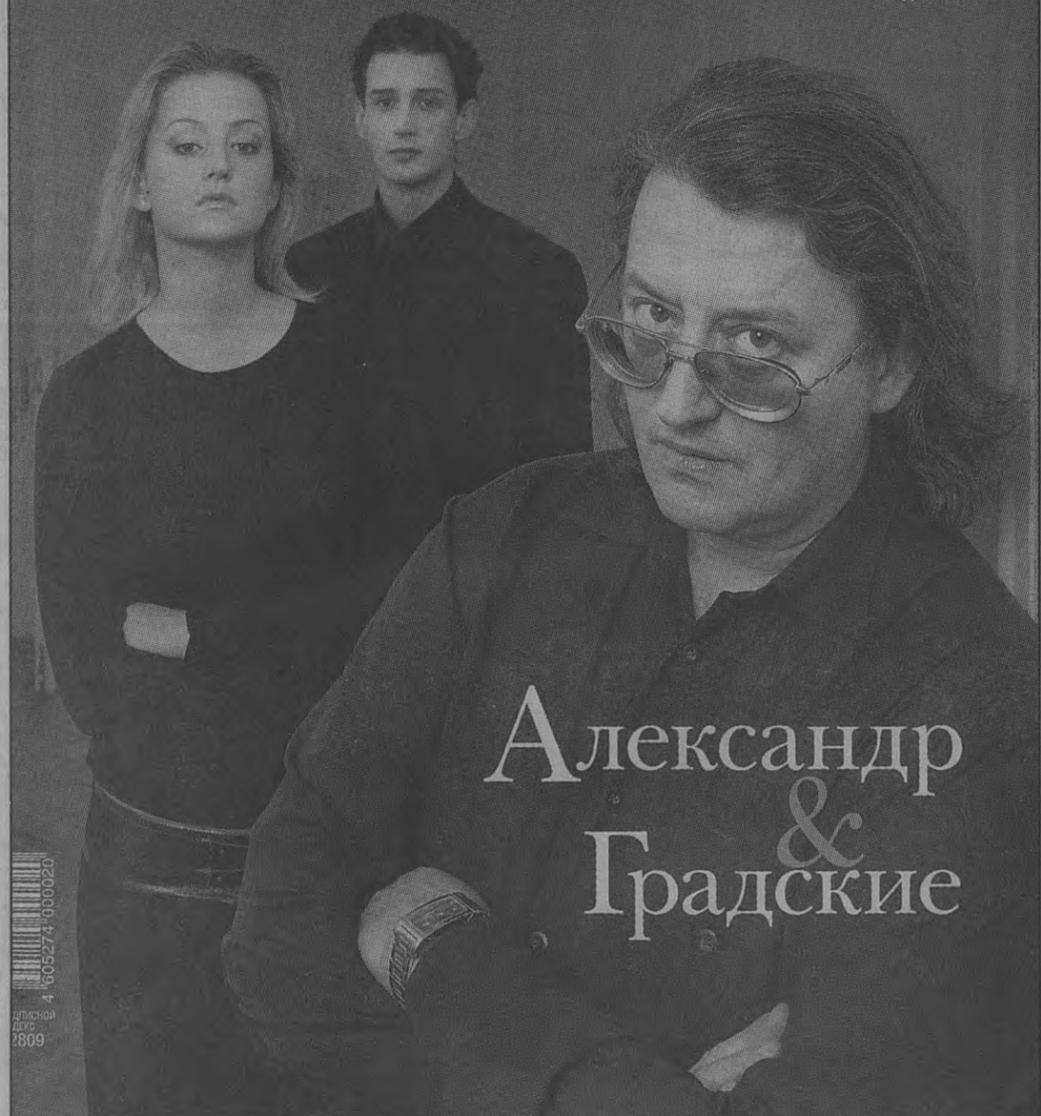
ТОП-ЛИСТ РОССИЙСКИХ ШКОЛ ЖУРНАЛИСТИКИ

2003
№11
ноябрь

арьера

Все слагаемые успеха

Издательский дом Родионова

Александр & Градские

4 605274 000020

дтлснй ддлр 2809